

ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Так уж вышло, что в поисках пропавшей невесты заблудился наш герой в чащобе. Наступила ночь, и он долго брел в густой **тьме**, с трудом разыскивая путь среди бурелома и трясин, пока не увидал впереди огонек. Приблизиться было страшно, однако усталость, голод и жажда оказались сильнее.

На поляне у костра сидели трое: немой Мурджилэ, слепой Зорилэ и стоглазая Миазэноапте.

Ты меня слушаешь, сердце мое?

Мурджилэ заглянул в окно спальни на втором этаже, раздвинув тускнеющие лучи Солнца, будто натянутые на ткацком станке нити основы, и посмотрел на Киру с нескрываемым сочувствием. Перед его лицом неторопливо проплыла рыба длиной в локоть, сияя золотой чешуей и помахивая растопыренными колючими плавниками, словно крыльями. Мурджилэ оказался огненно-рыжим, кудрявым и веснушчатым, с глазами василькового цвета. Слушая мамины — и не только — сказки, она представляла его себе совсем не таким. Хорошо бы по-свойски поболтать с необыкновенным гостем и узнать, как он своим великанским ростом не перепугал весь город, но три дня назад голос перестал ей повиноваться.

А вот тело по-прежнему слушается. Кира сумела бы даже встать и подойти к окну — к большой и круглой, словно Солнце, физиономии Мурджилэ. Она не боится, и ей бы хватило сил...

Чего не хватает, так это воли.

— *Там не страшно*, — сказал Мурджилэ.

Как же он говорит? У него нет рта — ниже крупного носа с широкими ноздрями только гладкая кожа. Но Кира все слышит совершенно отчетливо. С другой стороны, она теперь частенько слышит и видит то, чего не замечает никто другой, — взять хотя бы ту же парящую в воздухе златоперую рыбу, что впервые появилась позавчера.

— *Там нет ни страха, ни боли, ни воспоминаний.*

«Не только люди умеют врать из жалости».

Мысль — вялая, как сорванный и брошенный цветок.

Она сомкнула воспаленные веки.

Все началось двенадцать ночей назад — через неделю после того, как родители Киры отправились в паломничество в Белый монастырь на Змеином острове. Они долго сомневались, прежде чем собраться в дорогу: неблизкий путь лежал через горы и леса, где так просто столкнуться с лихими людьми, а на море осенью особенно часто случались волнения и настоящие бури. Но Иштван с каждым днем таял, с трудом дышал и все сильнее кашлял кровью. Он сделался тоненьким и желтым, как церковная свечка, и Эва приняла решение за двоих.

Кира была уже достаточно взрослой, и все-таки ей и в голову не приходило, что она так скоро окажется полноправной хозяйкой семейного дела, включающего три большие лавки со всевозможными тканями,

которые последние полтора года Иштвану доставляли закупщики, странствующие далеко за пределами обширного Эрдея, Лесной страны; также на нее оставили склад, где товара было еще больше, мастерскую со всеми пряжами, ткачихами, швеями, вышивальщицами и прочими мастерами, мастерицами и подмастерьями; старших и младших приказчиков, счетоводов, охранников и возчиков с лошадьми в придачу... Она ужасно боялась, хотя вот уже лет пять, будучи единственной наследницей, неустанно помогала родителям и была знакома со всеми тонкостями торгового ремесла — по меньшей мере на словах. К тому же дома оставались главные отцовские помощники — Томаш и Казимир, надежные, как два сторожевых пса, и тетка Делия, двоюродная сестра матери, вдовья и бездетная, управляющая слугами. Кире следовало лишь держать ухо востро и считать дни до возвращения родителей, которое должно было состояться через полтора-два месяца.

Теперь-то она понимала, что не доживет.

Итак, двенадцать ночей. Кира помнила, как навестила склад, — скорее из искреннего интереса, чем по какой-то явной надобности, и, разумеется, не догадываясь, что делает это в последний раз. Там молодой хозяйке показали только что привезенные ткани: дамаст из-за Срединного моря, с блистающим золотистым узором в виде цветов и ползучих гадюк на матовом черном фоне; темно-синий шелк из невообразимых восточных далей; нежный зеленый бархат. Казимир принес письма от постоянных покупателей из Фынтыны и Дробеты, которые желали сделать новые заказы, а Томаш отправился на поиски знакомого умельца, чтобы тот починил сломанную повозку.

Все это были совершенно заурядные хлопоты. Приближалась осенняя ярмарка в Думбравице, и разговоры шли только о ней. Потом наступил вечер.

Кира легла спать, но сон ускользал. Чем старательнее она пыталась погрузиться в мир ночных грез, тем явственнее эти самые грезы отдалялись. Девушка лежала с закрытыми глазами в своей мягкой и теплой постели, слушала, как шуршит мышь в углу, с тоской думала о родителях — может, и они про нее думают, тщетно пытаясь заснуть под крышей какого-нибудь постоянного двора, а то и у костра, под открытым небом. Стоило вообразить этот самый костер, как Кира увидела пламя во , узрела сквозь сомкнутые веки танцующий золотисто-оранжевый отблеск где-то над собственной головой — вроде как на стене, повыше изголовья кровати; в том самом месте, где висел красивый гобелен с изображением дерева с раскидистой кроной, недавно купленный Делией у бродячего торговца. Некоторое время спустя стало ясно, что ей не мерещится: над кроватью и впрямь что-то горело.

Ни потрескивания, ни запаха дыма. Это был не настоящий огонь. Неужели к ней прилетел збурэтор? Но она тосковала о родителях, а не... о ком-то другом. Не нашлось другого способа узнать правду, кроме как открыть глаза и посмотреть, проверить. Только вот увидела Кира совсем не то, что ожидала.

А еще в тот самый миг она навсегда утратила способность засыпать.

— Тебе пора, — сказал Мурджилэ. — Ты так устала. Я тебя провожу.

— Куда? — прошептала Кира и удивилась внезапно вернувшемуся дару речи.

— На край света. На запад.

— И что же я там увижу?

— Субботнюю Воду. Великую реку-океан, которая огибает весь мир. Она совсем не такая, как море. Ее невозможно описать словами. Там, на последнем берегу, растет ель — до того высокая, что ее верхушка почти касается Первого неба. Той ели надо поклониться и попросить, чтобы она указала путь.

— А потом?

— Потом она согнется дугой и станет мостом. Но что именно ты увидишь по другую сторону реки, я не знаю. Туда мне путь заказан — я не из глины сотворен, и нет во мне бессмертной души, дарованной дыханием Фыртата.

— Бессмертной... — повторила Кира, и уголки ее рта дрогнули в невеселой улыбке, — ...души.

— М-да, слабое утешение, — сказал кто-то. Вслух, приятным мужским голосом, с тем же акцентом, с каким говорил отец Киры, родившийся в Аквинке — в Соколиной империи. — Жизнь после смерти. Жизнь без смерти была бы куда интереснее. Но увы, таков удел всех или почти всех сынов и дочерей человеческих. Прошу прощения, иногда без банальностей не обойтись.

Мурджилэ потрянул буйной шевелюрой и устремил взгляд мимо Киры, на что-то — или кого-то — по другую сторону ее кровати. В васильковых глазах отразилось безграничное изумление, к которому примешивался легкий страх. Он моргнул, взмахнул рукой, коснулся лба, будто кого-то приветствуя, и растаял в промозглых осенних сумерках, почти мгновенно сгустившихся в ночную ■■■■.

Кира медленно повернула голову.

В кресле у очага, где едва теплился огонь, сидел незнакомец. Сидел спокойно и расслабленно, как у себя дома: вытянув ноги в потертых сапогах и положив руки в темных перчатках на деревянные подлокотники. На вид ему лет тридцать; худощавый, с черными, зачесанными назад волосами, в мешковатом черном кафтане со следами дорожной грязи и ночевок то ли под открытым небом, то ли в сарае или хлеву. Озаренный лишь тусклыми отблесками очага, незваный гость выглядел странно отчетливым, как узор, вытканый или вышитый на блеклом фоне сверкающей нитью. На миг Кире показалось, что в его глазах — тоже темных, загадочных — пляшут колдовские язычки изумрудного пламени, и она болезненно содрогнулась всем телом. На вора вроде не похож. А вот на **змея**...

Она тряхнула головой. В мыслях появилось не то черное пятно, не то дыра, за которой простиралась опять-таки чернота. И в черноте клубились неопишутельные формы и смыслы, грозя прорваться сквозь хрупкую пелену разума. Чей-то голос шипел-шептал ей на ухо, что-то обещал, о чем-то рассказывал, задавал вопросы и притворялся, что ждет ответ. Язвительно смеялся. Она не понимала ни слова, будто говоривший изъяснялся на чужеземном языке. Да и не было рядом никого, кроме незнакомца, который молча сидел и ждал.

— Ты... кто?

Томаш, Казимир и Делия трижды приводили к ней лекарей и один раз — ведуна. Что холеные горожане в чистеньких кафтанах, что отшельник в лохмотьях, с лицом, похожим на кору столетнего дерева, — все они оказались одинаково бессильны, и Кира, вспомнив о своих хозяйских правах, запретила таскать в дом чужаков.

Наверное, не стоит удивляться, что ее не послушались.

— Хватит с м-меня... докторов.

— Разумеется. — Незнакомец еще немного помолчал, устремив на нее немигающий, как у балаура, взгляд. — Вам, госпожа Адерка, не нужен ни доктор, ни знахарь, потому что от медицины в вашем случае не будет ровным счетом никакого толка. Возможно, помогла бы ворожея, но они не любят городских и прячутся так, что до Второго потопа не найдешь. Однако чародей гораздо лучше ворожеи, и чародей... точнее, грамантиаш... теперь к вашим услугам.

Кира с трудом приподнялась на локтях. Одежда соскользнула, ключицы обдало холодом. Месяц назад она бы провалилась к самым корням Мирового дерева всего лишь от мысли о том, чтобы принимать незнакомого мужчину в одиночку, в таком виде — просто-волосой, неумытой, в несвежей сорочке. Но змеи, целители и замаячившее на горизонте место-безвспоминаний навеки покончили с ее стыдливостью.

Грамантиаш... Сквозь тоску и тупую боль в груди пробился росток любопытства. Слово было колючим и опасным, как застрявшая в горле рыбья кость. Мысли заметались стайкой перепуганных птиц над камышами; чтобы успокоить бешено колотящееся сердце, пришлось закрыть глаза и перевести дух. Нет, сказок про странников в черном ей мама не рассказывала. Эва Адерка не любила жуткие истории, которые закапывались в ил на самом дне памяти, а потом время от времени выбирались оттуда, заставляя с криком просыпаться по ночам. Она о таком предпочитала умалчивать.

Но нашелся другой сказочник.

— Ч-ч... чернокнижник, — проговорила Кира, пристально глядя на гостя.

Он вежливо улыбнулся и кивнул. В темных глазах вновь мелькнули изумрудные блики. Нет, не померещилось. Кира вдруг поняла, что лицо у него очень странное: красивое... да, *красивое*, взгляд не оторвать... но стремящееся прочь от любых других слов и определений, то и дело исчезающее, как ныряющий под нити основы челнок. Она видела удлинённые очертания, чуть впалые щеки, резко очерченный подбородок. А какой у гостя нос? Прямой или с горбинкой? Есть ли у него борода? Жесткий ли рот или с пухлыми, женственными губами? Морщины на лбу, оспины или шрамы на щеках? Ничего. Лишь намеки, очертания. Незаконченный узор.

Но... узор красивый.

Кира села ровнее.

— Граманциаш, — сказала она, неотрывно глядя на чернокнижника. — Выпускник Тринадцатой школы, ученик... той, кого не принято упоминать ночью. Чародей, для которого не существует правил. А вы действительно умеете летать верхом на балаурах?

— Действительно, — бесстрастно подтвердил гость. — И не только летать. И не только на балаурах. Что же до правил, они все-таки существуют: например, я всегда выполняю то, о чем меня просят. И, по правде сказать, если упомянуть мою наставницу — хоть ночью, хоть днем, — не случится ровным счетом ничего ни плохого, ни хорошего. Она точно не появится — делать ей больше нечего, отвечать на каждый призыв. Ну, если вам так удобнее, пусть остается Той-Кого-Нельзя-Называть. Вижу я, госпожа Адерка, вы неплохо осведомлены.

Последние слова прозвучали с нескрываемой иронией. Кира набрала было воздуха в грудь, чтобы съязвить в ответ, но не успела — увидела краем глаза знакомый золотисто-оранжевый отблеск над изголовьем кровати. Всклипнула, зажмурилась и тихонько заскулила-застонала, зная, что будет дальше.

Голос грамманциаша, волоча за собой целый хор причудливых отголосков, сопровождал ее во [REDACTED].

— Впрочем, это все ерунда. Мое имя Дьюла, Дьюла Мольнар. Я пришел, чтобы вместе с вами спуститься к змеям, госпожа Адерка. — Он опять замолчал, явно выдерживая паузу, как подобает хорошему повествователю. — Видите ли, только мне известна природа вашего проклятия и только я могу вас спасти. Вы этого хотите?

— Да, — чуть слышно прошептала она.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

